

Платика Е.С.

*аспірант філософського факультета,
старший лаборант кафедри культурології*

Одеського національного університету імені І.І. Мечникова

ЯЗЫК ПОЭТА КАК ОСНОВА ДУХОВНОЙ СВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ)

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли языка поэта в формировании и укреплении духовной связи поколений. Внимание автора сосредоточено преимущественно на творческом наследии М. Цветаевой и её деятельности по увековечиванию памяти современников. Рассматривается специфика поэтического языка, актуализируется посредническая миссия поэтического слова и его назначение быть связующим звеном различных эпох и культур.

Ключевые слова: язык поэта, слово поэта, культура Серебряного века, связь поколений

В наше время под небывалым воздействием научно-технического прогресса, средств массовой информации и коммуникации стремительно обесценивается язык, перекраивается и практически уничтожается культура речи, забываются истоки и основы культуры в целом. Современные технологии наносят невозместимый вред человечеству, и вследствие этого ни язык, ни тесно связанное с ним мышление не развиваются должным образом. Всё больше человек говорит и всё меньше мыслит. Темп нашей жизни задается не внутренними духовными потребностями, а внешними техническими достижениями. Язык превращается всего лишь в средство. Слово почти ни во что не ставится, о сказанном не задумываются, не мыслят тем более и о сокрытых в слове смыслах. Язык не развивается, он механически приспособляется к повседневным нуждам, научно-техническому и социально-историческому процессу, той или иной политической ситуации. Как ойкумена, как всеобъемлющее пространство духовной и мыслительной жизни язык утрачивается с каждым днем.

Эта ситуация в какой-то мере напоминает события столетней давности. Вспомним, что в 1917 году один из наиболее последовательных теоретиков культуры Серебряного века Вячеслав Иванов писал о языке как об источнике жизни, как о силе, формирующей и определяющей наше сознание, наши мысли и поступки. В его небольшой, но содержательной статье «Наш язык»^[3], прослеживается один сквозной мотив: от языка как первоначальной связующей ойкумены¹ к языку как дому

бытия, где формируется духовная составляющая человека, где восстанавливаются и укрепляются связи поколений и разделенных временем эпох. Иванов говорил о языке как о духовной и физически осязаемой ойкумене русского народа и, в конце концов, всего рода человеческого. Казалось бы, какое дело до языка, когда идут кровопролитные войны и осуществляются государственные перевороты?! Но Иванов настоятельно твердил о благодати церковно-славянского языка,

О соприродном ему, многообразном и всеобъемлющем языке эллинизма, о его «икуменической», «кафолической» силе, о его все объединяющем назначении, он верил, что таким поистине вселенским и всечеловеческим в духе должен быть русский язык [см.: 3, с.676].

Подобная озабоченность проблемами языка, его формированием и воздействием на духовную жизнь человека была свойственна не только теоретикам культуры или же представителям религиозной философии, но и собственно поэтам: Александру Блоку, Осипу Мандельштаму, Николаю Гумилеву, Марине Цветаевой. Слово поэта в данной связи представляет весомое значение, поскольку поэтический язык играет в укреплении связи поколений свою специфическую роль и побуждает человека к переживаниям, мышлению и поступкам особого рода. *Цель настоящей статьи* — показать значимость языка поэта для формирования и укрепления духовной связи поколений на примере творчества Марины Цветаевой.

Изучая творческое наследие Цветаевой, легко допустить, что в сфере жизненных ситуаций она была человеком стихийным и опрометчивым, однако в поэзии предельно точной и последовательной. Ни один языковой знак не появлялся в её стихах случайно. Она постоянно акцентировала ту или иную часть слова, созвучие, соотношение звуков и так, выделяя необходимое, добиралась до смысла образа или вещи. Поэтом она ощущала себя и

¹В данном случае, конечно же, следует учитывать первоначальное значение слова «ойкумена» (др. греч. οἰκουμένη), а именно: «обитаемая часть суши, включающая все заселенные, освоенные или иным образом вовлеченные в орбиту жизни общества территории» [2]

при написании прозаических текстов, автобиографических произведений, воспоминаний и даже писем. Такая скрупулезная работа над языком была обусловлена изначальным пониманием поэзии в качестве языка богов, который каждый раз обнаруживает себя с новой силой, в новом, ранее неизвестном качестве: «Поэзия язык богов! Этого никто не повторил, это мы все сказали, каждый заново» [см.: 7, с.305]. Вспоминая детство, первый опыт стихосложения, Цветаева связывала свой дар с волшебными, чарующими силами. Силы эти, как мы можем заметить, антиномичны по своей природе: «Это была — я, во мне, чей-то дар мне — в колыбель. «Бог—Черт, Бог—Черт, Бог—Черт», и так несчетное число раз, холодея от кощунства и не можа остановиться, пока не остановится мысленный язык» [см.: 7, с.43]. Далее, эта же мысль о поэзии как о языке богов появлялась и в таком варианте: «От Державина до Маяковского (а неплохое соседство!) — поэзия — язык богов. Боги не говорят, за них говорят поэты» [см.: 7, с.305].

Поэт, таким образом, является медиатором между миром людей и миром богов, а созданные им произведения соединяют эти миры. Поэт, в отличие от обычного человека, соприкасается непосредственно с истоками бытия и запечатлевает в словах и созвучиях мир невидимый. Человек же, проникая в творческий мир поэта, может, в свою очередь, также соприкоснуться с областью сверхчувственного. Более того, именно благодаря поэту, и в данном случае Цветаевой, нам открывается возможность соприкоснуться с миром прошлого, миром, который, казалось бы, безнадежно утрачен.

Над каким бы текстом не работала Цветаева, она всегда полагалась на какую-то идеально запечатленную картину произведения и не в меньшей мере на сам язык, который помогает удерживать явившийся образ. «Все мое писанье, — сознавалась она, — вслушиванье. Отсюда, чтобы писать дальше — постоянные перечитывания. Не перечтя по крайней мере двадцать строк, не напишу ни одной. Точно мне с самого начала дана вся вещь - некая мелодическая или ритмическая картина ее -точно вещь, которая вот сейчас пишется <...>, уже где-то очень точно и полностью написана. А я только восстанавливаю» [7,с.285]. Размышляя о языковом «я» поэта в эссе «Поэты с историей и поэты без истории», она напишет, что поэтическое «я» — это «я» человеческое, выраженное в строе речи, что «стихи часто являют нам нечто сокрытое, приглушенное и даже заглушенное, чего и сам человек в себе не знал и не узнал бы, если бы не стихотворный дар», и, наконец, что стихотворный дар открывает «действие сил, неведомых тому, кто действует, и кто осознает их лишь в самый момент действия» [см.: 7, с.398]. Поэт, начиная творить, не предполагает, какой будет итоговая мысль, заключительное высказывание («Поэт — издали заводит речь./Поэта — далеко заводит речь...»).

Помимо того что Цветаева неизменно связывала язык поэзии с божественными силами и настойчиво выводила его за рамки обыденного языка, она так же

неоднократно утверждала его вне- или же сверхнациональность. Так, в письме к Рильке от 6 июля 1926 она напишет: «Поэзия — уже перевод, с родного языка на чужой — будь то французский или немецкий — неважно. Для поэта нет родного языка. Писать стихи и значит перелгать. Поэтому я не понимаю, когда говорят о французских, русских или прочих поэтах. <...>Для того и становишься поэтом (если им вообще можно стать, если им не являешься отродясь!), чтобы не быть французом, русским и т. д., чтобы быть — всем. Иными словами: ты — поэт, ибо не француз. Национальность — это от- и заключенность. Орфей взрывает национальность или настолько широко раздвигает ее пределы, что все (и бывшие, и сущие) заключаются в неё» [см.: 4, с. 163]. Подобным образом мыслил и сам Рильке. Размышляя о прочтении писем на разных языках, он писал: «...часто какое-нибудь из них видится мне в таком свете, при котором все языки — один язык» [см.: 4, с.101].

Поэт на самом деле находится на границе земного и потустороннего мира. Развивая тему поэта как медиатора в культуре, нельзя не вспомнить одно из писем, написанное Цветаевой уже после смерти Р.-М. Рильке и адресованное его последней секретарше Е.А. Черносвитовой. В этом письме Цветаева разъясняет ту особую связующую миссию, которая возлагается на поэта не только в ходе его земной жизни, но и после неё. «Хотите одну правду о стихах? — вопрошает Цветаева. — Всякая строчка — сотрудничество с «высшими силами», и поэт — много, если секретарь! — Думали ли Вы, кстати, о прекрасности этого слова: секретарь (secret)? Роль Рильке изменилась только в том, что, пока жил, сам сотрудничал с —, а теперь — сам «высшая сила» [4, с.208]. Таким образом, именно на поэта возлагается какой-то нескончаемый, вековечный труд — быть связующим звеном при жизни, переводить язык богов в земной мир, а затем — пребывать в самих истоках сущего, к которым, в свою очередь, обращаются последующие культуры и поколения.

Здесь, конечно же, не стоит забывать и о назначении читателя, его особой творческой задаче. Ведь все мы вместе взятые как раз и представляем пришедшее на смену поколение,

последующую культурную эпоху. Следуя мысли Цветаевой, можно сказать, что теперь и сама она пребывает в неразрывном единстве с высшими силами, и мы, постигая глубину замысла её произведений, как раз и пытаемся с этими силами сотрудничать. А это возможно лишь при условии полного погружения в текст, лишь при условии предельно вдумчивой и ответственной работы читателя, — «Вскрыть сущность нельзя, подходя со стороны. Сущность вскрывается только сущностью, изнутри — внутрь, — не исследование, а проникновение. Взаимпроникновение. Дать вещи проникнуть в себя и — тем — проникнуть в неё» [7, с. 322]. — Так писала Цветаева о переводах писем Рильке на русский язык, но эти же слова можно применить и в отношении процесса восприятия и понимания её собственных произведений. В результате творческого взаимодействия мы можем проникнуть в мир поэта и выйти на иной уровень бытия — бытия сверхчувственного, которое затрагивает глубины нашей души.

Дело в том, что перевод тех или иных произведений, а в данном случае писем самого Райнера - Мария Рильке Цветаева понимала как событие знаковое, символическое. Это не просто перевод с одного языка на другой. Это формирование своего поэтического «я» таким образом, чтобы отдать его на службу другому: «...сегодня мне хочется, чтобы Рильке говорил — через меня. Это, в просторечии, называется перевод». И поскольку русское слово «перевод» Цветаеву не вполне устраивает, она всматривается в немецкоязычный вариант, раскрывая важные с ее точки зрения смысловые оттенки: «Насколько у немцев лучше — nachdichten! Идя по следу поэта, заново прокладывая всю дорогу, которую прокладывал он. Ибо, пусть — nach (вслед), но — dichten! — то, что всегда заново. Nachdichten — заново прокладывая дорогу по мгновенно зарастающим следам» [см.: 7, с.322].

Перевод с одного языка на другой, особенно когда речь идет о литературных произведениях, всегда представлял проблему как для самого переводчика, так в плане соотношения языков, взаимодействия культур и эпох. Для Цветаевой, как мы помним, и собственно авторский оригинал уже был переводом с языка ангельского на язык человеческий. В то же время она полагала, что великие произведения при переводе на другой язык не утрачивают своей гениальности и, несмотря на ход времени, всегда остаются современными. «...Мировая вещь та, — утверждала Цветаева, — которая в переводе на другой языки на другой век — в переводе на язык другого века — меньше всего — ничего не утрачивает. Всё дав своему веку и краю, еще раз всё дает всем краям и векам. Предельно явив свой край и век — беспредельно являет все, что не — край и не — век: навек» [7, с. 331]. Здесь нельзя обойти вниманием и тот факт, что Цветаева в слове «перевод» видела еще и несколько иное предназначение: перевести можно не только тексты, но и душу. Так, работая над переводом Рильке, она писала: «...у перевода еще другое значение. Перевести не только на (русский язык, например), но и через (реку). Я Рильке перевожу на

русскую речь, как он когда-нибудь переведет меня на тот свет. За руку — через реку» [см.: 7, с. 322].

Как оговаривалось выше, Цветаева чувствовала себя поэтом не только в ходе стихосложения или в процессе перевода, но и при написании прозаических произведений. Здесь тоже выверено каждое слово, здесь тоже не просто восстанавливается образ того или иного человека, но и осуществляется проникновение в мир бытия личности и самой эпохи. Такая работа стоит непомерных затрат: это и переживания, и главное — непосредственное проживание событий, казалось бы, чужой жизни, но теперь — уже ставших частью личной жизни поэта. Так, в «Повести о Сонечке», посвященной актрисе Софье Голлидэй, Цветаева писала: «Чем больше я вас оживляю, тем больше сама умираю, отмираю для жизни, — к вам, в вас — умираю. Чем больше вы — здесь, тем больше я — там. Точно уже снят барьер между живыми и мертвыми, и те, и другие свободно ходят во времени и в пространстве — и в их обратном. Моя смерть — плата за вашу жизнь. Чтобы оживить Аидовы тени, нужно было напоить их живую кровью. Но я дальше пошла Одиссея, я пою вас - своей» [6, с. 409-410].

Вчитываясь в тексты Цветаевой, мы можем ощутить присутствие тех, с кем она находилась в личном или же творческом общении. Цветаева сумела сохранить для последующих поколений образы людей, благодаря которым можно судить не только о самих личностях, об особенностях культурной жизни, о царившей тогда духовной атмосфере, но и об исторической эпохе Серебряного века в целом. Восстанавливая в памяти своих близких, пытаясь воспроизвести в слове образы дорогих людей, Цветаева буквально переводила их из мира умерших в мир живых, считала это своим долгом, задачей первостепенной важности, реализация которой требует огромных затрат жизненных сил.

Большинство своих воспоминаний Цветаева писала в память об ушедших. Писала для того, чтобы запомнили, узнали, не забыли. Она запечатлевала те моменты жизни, которые связывались с сущностью личности. И теперь у нас есть возможность проникнуть в бытие практически

неизвестных для нас людей и восстановит их жизненный мир. Это своего рода знакомство, встреча, которая без Цветаевой не состоялась бы никогда.

Ярким примером такой редкой встречи-узнавания являются тексты, посвященные Николаю Тройскому — первому поэту в эмиграции.¹ Цветаева приложила все усилия для того, чтобы Гронский стал известен. Пожалуй, если бы не она, Гронский ушел бы в прошлое практически бесследно. И, в общем, Цветаева этот факт сознает и буквально проговаривает в первом стихотворении цикла «Надгробие»: «Не дам тебе — умереть совсем!.. / Не дам тебе — порастить бьяльем!» [5, с.326]. Однако одним лишь творчеством Цветаева не ограничилась. Она прекрасно понимала, что в то время публикация ее произведений в России, откуда родом и сам Гронский, практически неосуществима. И для того чтобы о молодом поэте узнали его современники и потомки, она все же находит возможности опубликовать свои тексты за пределами России.

В результате её статья «Поэт-альпинист» впервые выходит на сербохорватском языке, а затем она просит свою подругу Анну Тескову разместить статью в одном из чешских изданий [см.: 8, с.418]. И, далее, чтобы о молодом поэте узнали на родине, она обращается всё к той же Тесковой с просьбой показать поэму Гронского «Белладонна» Альфреду Бему: «Я бы хотела, — пишет Цветаева, — чтобы он о ней сказал в печати — это все, что осталось у родителей: посмертная слава сына» [см.: 8, с.418]. Цветаевой удается осуществить задуманное. Благодаря её стараниям, О Тройском услышали, и немалую роль в этом сыграла написанная по просьбе Цветаевой статья Бема «О Тройском и его поэме Белладонна» [см.: 1]. Ко всему написанному о Николае Тройском Цветаева относилась строго. И если статью Бема она оценила «хорошо», то отзыв Адамовича — «бездарно»² [см.:8, с.418].

И это лишь малая доля той огромной творческой работы, которая была проделана Цветаевой для увековечивания памяти своих современников. Запечатлев в произведениях близких ей людей, поэт дает возможность нам не только полноценно восстановить их образ, заинтересоваться их жизнью, но и, возможно, даже полюбить. Так укрепляются связи поколений, мы узнаем об эпохе, ранее нам неведомой. Здесь, конечно же, нужно принять во внимание, что Цветаева воспроизводила не просто биографические подробности жизни того или иного человека, а создавала духовный образ личности. И для того чтобы такой образ был более явственным, ей иногда приходилось нарушать ход событий, дописывать, додумывать, дополнять.

Язык дает нам возможность не только называть уже существующее в мире, не только озвучивать уже названное, но и создавать новое. В этом плане поэтический язык наделен особыми силами: он подводит нас к сущности вещей и событий, к целостному образу личности, заставляя

наше мышление работать в ином ритме, в том числе и при помощи знаков препинания: тире, умолчаний (<...>), скобок и т.д. Даже если перед нами знак паузы или тишины, мысль в эти моменты не останавливается, а только нарастает, и тишина становится красноречивей любого звука.

Слово поэта дарует нам возможность не только узнавать бесконечные смысловые оттенки языка, но понуждает обращаться к истокам культуры и на собственном опыте познавать ценность духовных связей и образов. Вчитываясь в поэтические тексты, воспоминания, оставленные поэтами, мы также можем ощутить, как возрождается ушедшее время, как воскрешаются те или иные события и оживает ушедшая эпоха. А вместе с возрождением прошлого сейчас, в нашей настоящей жизни, мы все, ныне живущие и когда-то умершие, продолжаем пребывать в едином духовном пространстве.

Литература:

1. Бем А. О Н.П. Тройском и его поэме Белладонна [Электронный ресурс] //Меч. —1935,— №6. — Режим доступа к публикации: http://www.mochola.org/Ш551ааЬгоа^Ьет/Ьет35_§гоп5кГ1йт
2. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа к публикации: http://enc-dic.com/enc_big/0jkumena-42047.html
3. Иванов Вяч. И. Собрание сочинений: В 4 т. — Т. 4. - Брюссель, 1987. - 782с.
4. Рильке Р. Письма 1926/ Р. Рильке, Б. Пастернак, М. Цветаева. — М.: Книга, 1990. - 256с.
5. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. — Т. 2: Стихотворения. Переводы. — М.: Эллис Лак, 1994. - 591с.
6. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. — Т.4: Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. — М.: Эллис Лак, 1994. — 686 с.
7. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. — Т.5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. — М.: Эллис Лак, 1994. — 718с.
8. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. — Т.6: Письма /Марина Ивановна Цветаева. — М.: Эллис Лак, 1995. - 798 с.

¹В своем очерке «Поэт-альпинист» Марина Цветаева отвечает на бытовавший в то время эмигрантских кругах вопрос о возможности полноценного существования поэта в эмиграции. Как полагает Цветаева, жизнь Гронского подтверждает такую возможность: «Это — первый поэт, возникший в эмиграции. Первый настоящий поэт» [см.: 8, с. 418]

²Речь идёт о вступительной статье Г.В. Адамовича к поэме Н.П. Гронского «Белла-Дона» напечатанной в газете «Последние новости» от 9 декабря 1934 года

Платика О.С. Мова поета як основа духовного зв'язку поколінь. (На прикладі творчості Марини Цвєтасвої). — Стаття.

Анотація. Стаття присвячена виявленню ролі мови поета у формуванні й зміцненні духовного зв'язку поколінь. Увага автора зосереджена переважно на творчій спадщині М. Цвєтасвої та її діяльності заради увічнювання пам'яті сучасників. Розглядається специфіка поетичної мови, актуалізується посередницька місія поетичного слова та його призначення бути сполучною ланкою різних епох і культур.

Ключові слова: мова, слово поета, культура Срібного століття, зв'язок поколінь.

Platyka E.S. The Poet's Language as a basis for spiritual relationship between Generations. (On an example of Marina Tsvetaeva's works). — Article.

Summary. The article deals with the clarifying of role Poet's Language in forming and strengthening of the spiritual relationship between Generations. The author focuses primarily on M. Tsvetaeva's creative heritage and her activities to perpetuate the memory of contemporaries. Much attention is given to specifics of Poet's Language. It draws our attention to the mediatorial mission of Poet's Word and its purpose to be a mediator between different epochs and cultures.

Keywords: Poet's Language, Poet's Word, the Culture of the Silver Age, relationship of Generations.